

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ ДЫБАКОВ

ПОДАРИ СЕБЕ
ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ

Алексей Рыбаков

Подари себе жизнь вечную

«Автор»

2025

Рыбаков А. Л.

Подари себе жизнь вечную / А. Л. Рыбаков — «Автор», 2025

Эта книга — сборник глубоких и проникновенных историй о человеческой душе, вере, милосердии и преображении. Через судьбы разных героев — от пожилого Виктора Андреевича, учащегося не судить других, до таинственной монахини Досифеи, принявшей затвор как путь к Богу, — автор раскрывает вечные истины: о важности сострадания, силе веры, ценности тихой доброты и умении видеть за внешней оболочкой внутренний мир человека. В повествовании переплетаются современные бытовые зарисовки и исторические притчи, личные драмы и моменты прозрения. Каждая история — это урок: о том, как легко осудить, не зная чужой боли; как вера может преобразить даже самую горькую участь; как маленькое доброе дело способно изменить жизнь не только другого, но и тебя самого. Книга напоминает: истинная жизнь — не в богатстве, статусе или удобстве, а в душевной чистоте, любви к ближнему и доверии к Богу.

© Рыбаков А. Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава	5
Не суди	6
Бриллианты в кругу мелочей	17
Игуменя одного голоса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Подари себе жизнь вечную

Глава

Эта книга – сборник глубоких и проникновенных историй о человеческой душе, вере, милосердии и преображении. Через судьбы разных героев – от пожилого Виктора Андреевича, учащегося не судить других, до таинственной монахини Досифеи, принявшей затвор как путь к Богу, – автор раскрывает вечные истины: о важности сострадания, силе веры, ценности тихой доброты и умении видеть за внешней оболочкой внутренний мир человека.

В повествовании переплетаются современные бытовые зарисовки и исторические притчи, личные драмы и моменты прозрения. Каждая история – это урок: о том, как легко осудить, не зная чужой боли; как вера может преобразить даже самую горькую участь; как маленькое доброе дело способно изменить жизнь не только другого, но и тебя самого.

Книга напоминает: истинная жизнь – не в богатстве, статусе или удобстве, а в душевной чистоте, любви к ближнему и вере к Богу. Это искренний и мудрый призыв остановиться, задуматься и начать видеть мир – и людей – без суда, но с пониманием и любовью.

Не суди

Глава 1: Привычка судить

Виктор Андреевич Самойлов считал себя человеком справедливым и проницательным. В свои пятьдесят шесть он твёрдо верил, что умеет разбираться в людях с первого взгляда. В его голове для каждого встречного уже была заготовлена аккуратная полочка с ярлыком. Эта привычка сортировать людей казалась ему признаком жизненной мудрости.

– Умного человека от глупого я за версту отличу, – любил повторять Виктор Андреевич.
– И непорядочного тоже сразу вижу. Меня не проведёшь.

Жена Татьяна Николаевна обычно только вздыхала в ответ. За тридцать лет совместной жизни она привыкла к тому, что её муж выносит приговоры налево и направо. Спорить с ним было бесполезно – Виктор Андреевич считал свою точку зрения единственно верной.

После выхода на пенсию Виктор Андреевич большую часть времени проводил перед телевизором. Он с удовольствием комментировал действия политиков, артистов и ведущих, будто был с ними лично знаком.

– Нет, ты посмотри на этого, – возмущался он, показывая на экран, где молодой министр давал интервью. – Галстук-то как повязал – криво! В моё время за такое бы с работы вылетел. Безответственный тип, сразу видно.

Или:

– А эта певичка чего кривляется? Голоса нет, так хоть выглядела бы прилично. В мои годы, такую и на сцену бы не пустили!

Татьяна Николаевна обычно мирно вязала в кресле, изредка поддакивая, чтобы не начинать бесполезный спор.

Однажды вечером они как обычно сидели перед телевизором. Шла популярная информационная программа, которую Виктор Андреевич смотрел годами. Ведущий Сергей Иванцов был одним из немногих, кого Самойлов уважал и даже в некотором роде считал "своим человеком". Но сегодня что-то было не так.

– А что это с Иванцовым? – нахмурился Виктор Андреевич, вглядываясь в экран. – Говорит как-то странно.

И действительно, речь ведущего, обычно чёткая и выразительная, сегодня звучала иначе. Некоторые слова он произносил с трудом, будто спотыкаясь на согласных, интонации были непривычными.

Виктор Андреевич раздражённо покачал головой:

– Это он специально так противно слова коверкает? Что за новая манера? В песнях поют, о чём не поймешь, теперь и в разговоре? Решил оригинальничать на старости лет?

Татьяна Николаевна подняла глаза от вязания и внимательно посмотрела сначала на экран, потом на мужа.

– Нет, – спокойно сказала она. – Он просто перенёс инсульт недавно.

Виктор Андреевич замер с открытым ртом. Что-то кольнуло его в груди – то ли стыд, то ли вина.

– Откуда ты знаешь? – спросил он тихо.

– В новостях говорили на прошлой неделе. Он три месяца в больнице пролежал, еле выкарабкался. Врачи сказали, чудо, что вообще вернулся в профессию.

Виктор Андреевич молча смотрел на экран. Теперь он видел то, чего не замечал раньше: лёгкую асимметрию в лице ведущего, едва заметный тремор левой руки, усилия, которые тот прикладывал, чтобы произнести сложные слова.

– Прости Господи, – пробормотал он, опуская глаза.

По телевизору Иванцов продолжал рассказывать о событиях дня. Несмотря на затруднённую речь, он держался с достоинством, не пытаясь скрыть своё состояние или извиняться за него. Он просто делал свою работу так хорошо, как мог.

Внезапно Виктор Андреевич почувствовал комок в горле. Сколько раз в жизни он судил людей, ничего не зная об их обстоятельствах? Сколько раз выносил приговоры, основываясь лишь на своих предубеждениях?

Он встал и подошёл к окну. За стеклом падал первый снег, мягко укрывая землю белым покрывалом, скрывая под собой грязь и неровности.

Глава 2: Чужая жизнь

Неделя после того вечера выдалась для Виктора Андреевича странной. Он будто впервые начал по-настоящему видеть людей вокруг. История с ведущим зацепила что-то глубоко внутри, и теперь он не мог вернуться к прежней беззаботной привычке судить всех подряд.

В четверг Виктор Андреевич отправился в поликлинику на плановый осмотр. В очереди перед кабинетом терапевта сидела молодая женщина с ребёнком лет пяти. Мальчик капризничал, требовал конфету, а когда мать отказала, начал громко кричать и топать ногами.

– Кошмар какой, – прошептала пожилая женщина, сидевшая рядом с Виктором Андреевичем. – Совсем детей не воспитывают нынче. В наше время за такое поведение сразу бы наказали.

Виктор Андреевич кивнул, автоматически соглашаясь. Ещё неделю назад он бы первым осудил и мать, и ребёнка. Но сейчас что-то его остановило. Он присмотрелся внимательнее.

Молодая женщина выглядела измученной. Под глазами тёмные круги, волосы небрежно собраны в пучок. Она шептала что-то сыну, пытаясь успокоить его не повышая голоса. А когда мальчик всё-таки успокоился, Виктор Андреевич услышал их разговор.

– Мама, а папа сегодня придёт? – спрашивал ребёнок.

– Нет, солнышко, – тихо отвечала женщина. – Папа сейчас далеко, помнишь? Он... он на специальном задании.

– А когда вернётся?

Женщина на мгновение закрыла глаза:

– Не знаю, милый. Но он очень любит тебя и обязательно позвонит, как только сможет.

В этот момент из сумки женщины выпал телефон, и Виктор Андреевич успел заметить фотографию на экране – мужчина в военной форме.

Сердце кольнуло. Судя по всему, отец мальчика был на службе, возможно в зоне военных действий. А женщина в одиночку справлялась и с ребёнком, и с тревогой за мужа. Неудивительно, что у неё не всегда хватало сил идеально воспитывать сына.

Виктор Андреевич отвернулся, сглотнув комок в горле. Сколько раз он осуждал людей, совершенно не зная обстоятельств их жизни?

* * *

На обратном пути из поликлиники Виктор Андреевич заглянул в продуктовый магазин. У кассы перед ним стоял молодой человек в потёртой куртке, пересчитывающий мелочь. Он что-то напряжённо высчитывал, потом со вздохом положил обратно на прилавок пакет молока.

– Извините, вот этого не возьму, – сказал он кассирше.

«Денег нет, а на телефон небось хватает», – по привычке подумал Виктор Андреевич, заметив, что парень держит в руке смартфон. Но тут же себя одёрнул. «А что я знаю о нём? Может, у него семья, дети, может, он работает на трёх работах...»

Когда пришла его очередь платить, Виктор Андреевич вдруг окликнул молодого человека, уже направлявшегося к выходу:

– Молодой человек!

Парень обернулся, в глазах настороженность.

– Простите, я вот молоко взял, а оказалось, у меня уже есть дома. Не пропадать же добру. Возьмите, пожалуйста, – Виктор Андреевич протянул пакет молока.

Парень замялся:

– Спасибо, но... не стоит.

– Берите-берите, – настаивал Виктор Андреевич. – Мне это молоко не нужно, а выбрасывать жалко.

Молодой человек помедлил, затем взял пакет.

– Спасибо вам, – сказал он тихо. – У меня дочка маленькая, для неё молоко нужно... А с работы уволили неделю назад, новую пока не нашёл.

Он ушёл, а Виктор Андреевич стоял, чувствуя странное тепло в груди.

* * *

Вечером, за ужином, Виктор Андреевич рассказал жене о своих впечатлениях.

– Знаешь, Таня, я всю жизнь думал, что разбираюсь в людях, что умею их видеть насквозь. А оказывается, я ничего о них не знаю. Никогда не знаешь, что у человека на душе, с какими трудностями он сталкивается.

Татьяна Николаевна мягко улыбнулась:

– В Библии ведь сказано: "Не судите, да не судимы будете".

– Да я всегда думал, что это просто красивые слова, – признался Виктор Андреевич. – А оказывается, в них глубокий смысл. Никогда не знаешь, что происходит в чужой жизни. И не наше это дело – судить.

– Помнишь, как у Высоцкого? "Не спеши осуждать человека за то, что он упал, ведь ты не знаешь, каким тяжёлым был его груз и как долго он его нёс", – напомнила Татьяна Николаевна.

Виктор Андреевич кивнул и задумчиво посмотрел в окно.

– Знаешь что, – сказал он вдруг. – Давай завтра навестим Зинаиду Петровну.

– Соседку с пятого этажа? – удивилась Татьяна. – Ту самую, которую ты называл "вредной старухой"?

– Да, – кивнул Виктор Андреевич. – Я всегда злился, что она постоянно жалуется на шум. А ведь я даже не знаю, почему она такая. Может, у неё мигрени, может, она одинокая, может, обижена на весь мир из-за чего-то, что с ней случилось. Попробуем навестить её, поговорить по-человечески.

Татьяна Николаевна с удивлением посмотрела на мужа, но в глазах её светилась теплота и одобрение.

– С удовольствием пойду с тобой, – сказала она. – Испечём пирог и навестим.

Глава 3: Скрытая жизнь

Утром следующего дня Татьяна Николаевна испекла яблочный пирог – свой фирменный, с корицей и грецкими орехами. Виктор Андреевич волновался, как подросток перед первым свиданием.

– А вдруг она нас не пустит? – спрашивал он, расхаживая по кухне. – Она ведь никого к себе не приглашает.

– Не пустит – оставим пирог у двери, – спокойно отвечала Татьяна. – Главное – доброе намерение.

Около двух часов дня они поднялись на пятый этаж. Виктор Андреевич нерешительно нажал на звонок. За дверью долго было тихо, потом послышались осторожные шаркающие шаги.

– Кто там? – раздался настороженный голос.

– Зинаида Петровна, это ваши соседи снизу, – ответила Татьяна Николаевна. – Мы к вам в гости, пирог принесли.

Дверь приоткрылась на ширину цепочки. В щели показалось морщинистое лицо пожилой женщины, обрамлённое седыми волосами.

– Зачем? – спросила она подозрительно.

– Просто так, – улыбнулась Татьяна. – По-соседски.

Зинаида Петровна помедлила, потом закрыла дверь, чтобы снять цепочку, и открыла снова – уже полностью.

– Проходите, – сказала она неуверенно. – Только у меня не очень прибрано...

Квартира Зинаиды Петровны оказалась маленькой, но очень чистой и аккуратной. Всюду стояли живые растения – на подоконниках, на тумбочках, даже на книжных полках. На стенах висели старые чёрно-белые фотографии в простых рамках.

– Присаживайтесь, – Зинаида Петровна указала на диван, покрытый кружевной накидкой. – Чай будете?

– С удовольствием, – кивнула Татьяна.

Пока хозяйка возилась на кухне, Виктор Андреевич рассматривал фотографии. На многих был запечатлён молодой мужчина в военной форме «афганке».

– Это мой Коля, – сказала Зинаида Петровна, вернувшись с чайником. Она заметила взгляд гостя. – Муж мой. Сорок лет назад погиб при исполнении воинского долга.

– Соболезную, – искренне сказал Виктор Андреевич.

– Давно это было, – вздохнула женщина. – А вот эта фотография, – она указала на снимок молодой пары с младенцем, – это мы с Колей и нашей дочкой Машенькой.

– У вас есть дочь? – удивилась Татьяна. – Никогда её не видела у вас.

Зинаида Петровна сжала губы:

– Маша в Канаде живёт уже двадцать лет. Уехала сразу после института, вышла там замуж. Внуков у меня двое, правнуки уже появились... но видела я их только на фотографиях, – она кивнула на полку, где стояли цветные снимки счастливых людей на фоне гор, океана, красивых домов. – Дочка зовёт к себе, но я не могу...

– Почему? – осторожно спросил Виктор Андреевич.

– Боюсь, – призналась Зинаида Петровна. – Самолётов боюсь до ужаса. У меня от сильного шума паника начинается, сердце колотится, дышать не могу. Раньше-то в Жуковском жили, я даже любила шум двигателей, а как самолеты звуковой барьер преодолевали, прям до мурашек.... А вот, после того, как мужа в авиакатастрофе потеряла... Он лётчиком-испытателем был.

Виктор Андреевич и Татьяна обменялись взглядами. Теперь стало понятно, почему соседка так болезненно реагировала на шум.

– А ещё я английского не знаю, – продолжала Зинаида Петровна. – Как я там буду? Обужой для дочки стану. Вот и живу одна, с цветами да фотографиями.

За чаем с пирогом Зинаида Петровна понемногу разговорилась. Оказалось, что в молодости она была учительницей музыки, играла на скрипке. Но после гибели мужа забросила музыку, все силы отдавая воспитанию дочери.

– А скрипка у вас сохранилась? – спросила Татьяна.

– Сохранилась, – кивнула Зинаида Петровна. – Иногда достаю, но больше для того, чтобы протереть от пыли. Играть уже не могу – пальцы не слушаются, артрит.

Виктор Андреевич слушал её рассказы, и внутри него что-то переворачивалось. Всё это время он считал соседку просто вредной старухой, которая придирается по пустякам. А у неё была целая жизнь – с любовью, трагедией, расставанием, одиночеством.

– Зинаида Петровна, – сказал он вдруг, – а вы не хотели бы иногда приходить к нам в гости? Мы бы с удовольствием послушали ваши рассказы. И наша внучка Аленка в следующем месяце приезжает на каникулы, ей было бы интересно послушать про старые времена.

Глаза пожилой женщины вдруг наполнились слезами:

– Вы правда хотите, чтобы я приходила? Не из жалости?

– Конечно, не из жалости, – твёрдо сказала Татьяна. – Из человеческого интереса. А если хотите, мы можем вместе с вами дочери позвонить по видеосвязи. У нас компьютер хороший, можно будет и правнуков увидеть.

Когда они прощались, Зинаида Петровна вдруг сказала:

– Простите меня, если я была раздражительной. Когда живёшь один, становишься странным, замыкаешься в своих привычках...

– Это вы нас простите, – искренне ответил Виктор Андреевич. – За то, что не пытались понять. Все мы живём за закрытыми дверями, и никогда не знаешь, что происходит за чужой дверью.

* * *

Спускаясь по лестнице, Татьяна взяла мужа за руку:

– Я горжусь тобой. Не каждый способен так измениться.

– Я не изменился, – покачал головой Виктор Андреевич. – Я просто начал видеть то, что всегда было перед глазами, но я отказывался замечать. Знаешь, о чём я думаю? О том молодом человеке в магазине. Надо было не просто молоко ему отдать, а спросить, может, ему помощь нужна какая-то. Работу найти, например.

– Ты прав, – согласилась Татьяна. – Знаешь, если хочешь, мы можем зайти в тот магазин в то же время. Может, он там снова будет.

– Обязательно зайдём, – кивнул Виктор Андреевич. – И ещё, я думаю записать Зинаиду Петровну на курсы английского для пожилых людей. Я видел объявление в нашей библиотеке. Может, если она начнёт учить язык, то когда-нибудь решится навестить дочь.

Когда они вернулись домой, Виктор Андреевич включил телевизор. Шла та же программа с Иванцовым. Ведущий по-прежнему говорил с заметным затруднением, но теперь Виктор Андреевич смотрел на него совсем другими глазами – с уважением к человеку, который, несмотря на болезнь, продолжает делать своё дело с достоинством.

– Знаешь, Таня, – задумчиво сказал он, – я всю жизнь гордился тем, что умею "видеть людей насквозь". А оказывается, видел только поверхность. Чужая душа – потёмки, и чужая жизнь – за семью печатями. И слава богу, что я наконец это понял.

– Никогда не поздно начать видеть по-новому, – улыбнулась Татьяна.

– Ты права. Эта история с ведущим... она как будто сняла пелену с моих глаз. Знаешь, я вспомнил случай из молодости. В институте у нас была уборщица, вечно хмурая, грубая женщина. Мы её за глаза звали "мегерой". А потом узнали, что у неё двое детей с инвалидностью, что она работает на трёх работах, чтобы их прокормить и обеспечить лечением. Я тогда пристыдился, но быстро забыл тот урок...

– У каждого своя история, каждый несёт свой крест, – тихо сказала Татьяна.

– И не нам судить, тяжёл он или лёгок, – закончил Виктор Андреевич. – Вот что я понял.

Глава 4: Эпилог

Прошло полгода. Жизнь Виктора Андреевича изменилась – не кардинально, но ощутимо. Он по-прежнему любил смотреть телевизор, но теперь куда реже комментировал происходящее на экране. А если и высказывался, то его суждения стали мягче, человечнее.

Зинаида Петровна стала частой гостьей в их доме. Каждое воскресенье она приходила к ним на чай, иногда приносила старые фотоальбомы и рассказывала истории своей молодости. Внучка Алёнка, погостив у них месяц, так подружилась с Зинаидой Петровной, что теперь регулярно звонила ей по видеосвязи. А старая учительница музыки начала заниматься с девочкой по Скайпу, объясняя азы нотной грамоты.

С дочерью в Канаде Зинаида Петровна теперь общалась раз в неделю – Татьяна помогла наладить стабильную видеосвязь. Пожилая женщина даже записалась на курсы английского при районной библиотеке и с гордостью демонстрировала первые успехи, здороваясь с зятем-канадцем на его родном языке.

А того молодого человека из магазина Виктор Андреевич всё-таки нашёл. Оказалось, что парня зовут Алексей, и он действительно остался без работы с маленькой дочкой на руках – жена ушла к другому, оставив ему ребёнка. Виктор Андреевич, имевший связи на своём бывшем заводе, помог Алексею устроиться на работу в отдел снабжения. Теперь молодой отец иногда заходил к ним в гости, чтобы поблагодарить и рассказать о своих успехах.

Однажды вечером, когда они с Татьяной смотрели старый фильм, Виктор Андреевич вдруг сказал:

– Знаешь, я всё думаю о том ведущем... Иванцове. О том, как я осудил его, не зная обстоятельств.

– Ты изменился с тех пор, – мягко заметила Татьяна.

– Да, но я думаю, что должен как-то... не знаю... может, написать ему письмо? Извиниться?

Татьяна задумалась:

– Ты знаешь, я думаю, лучший способ извиниться – это изменить своё поведение. Что ты и сделал.

– Но он же не знает об этом.

– Зато знают люди вокруг тебя. Зинаида Петровна, Алексей, соседи, которых ты перестал осуждать за мелкие проступки.

Виктор Андреевич задумчиво кивнул, но потом всё-таки открыл ящик стола и достал лист бумаги:

– И всё же я напишу ему. Не для того, чтобы получить прощение – он даже не знает о моём существовании. А просто чтобы сказать спасибо за то, что своим примером он открыл мне глаза.

Татьяна улыбнулась и мягко сжала руку мужа:

– Пиши. Думаю, ему будет приятно узнать, что его работа, его мужество кого-то вдохновили.

Виктор Андреевич начал писать. Слова ложились на бумагу легко, словно он давно их обдумал:

"Уважаемый Сергей Леонидович!

Пишет Вам Ваш давний зритель. Я смотрю Вашу программу уже много лет, но только недавно по-настоящему оценил Ваш профессионализм и человеческое мужество...

...Хочу сказать Вам спасибо за невольный, но очень важный урок, который Вы мне преподали. Своим примером Вы научили меня главному – никогда не судить о человеке, не зная его истории...

...Я понял, что за каждым человеком стоит целая вселенная опыта, борьбы, страданий и радостей, которую мы не видим и о которой не имеем права судить...

...Спасибо Вам за то, что, сами того не зная, изменили жизнь одного пожилого человека и заставили его увидеть мир другими глазами..."

Закончив письмо, Виктор Андреевич аккуратно сложил его и убрал в конверт. Возможно, он никогда не отправит его адресату. Но сам процесс написания этих слов был важен – это было признание собственной ошибки и благодарность за урок.

* * *

В последний день весны Виктор Андреевич сидел на скамейке в сквере недалеко от дома. Вокруг шумели деревья, дети играли на площадке, молодые мамы обсуждали что-то, сидя на соседней скамейке.

Он наблюдал за людьми, но теперь его взгляд был другим – не оценивающим, не судящим, а просто внимательным. За последние месяцы он научился видеть в каждом человеке загадку, тайну, достойную уважения, а не разгадывания.

В двух шагах от него остановилась пожилая женщина, тяжело опираясь на трость. Она выглядела усталой, на лице застыло выражение боли. Виктор Андреевич подвинулся, освобождая место:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

– Спасибо, – женщина с облегчением опустилась на скамейку. – День сегодня тяжёлый, ноги совсем не идут.

– Далеко живёте? – спросил Виктор Андреевич. – Может, вас проводить?

Женщина удивлённо посмотрела на него, потом улыбнулась:

– В наше время редко встретишь такую заботу. Я тут недалеко, через два дома. Просто шла из поликлиники, устала.

– Давайте помогу, – Виктор Андреевич встал и протянул руку.

Когда они медленно шли по тротуару, женщина рассказала, что работала всю жизнь на химическом заводе, что у неё двое сыновей, которые сейчас далеко, что она любит выращивать цветы на балконе.

Дойдя до её подъезда, Виктор Андреевич помог ей подняться по ступенькам.

– Спасибо вам, добрый человек, – сказала женщина на прощание. – Дай бог вам здоровья.

– И вам здоровья, – искренне ответил Виктор Андреевич.

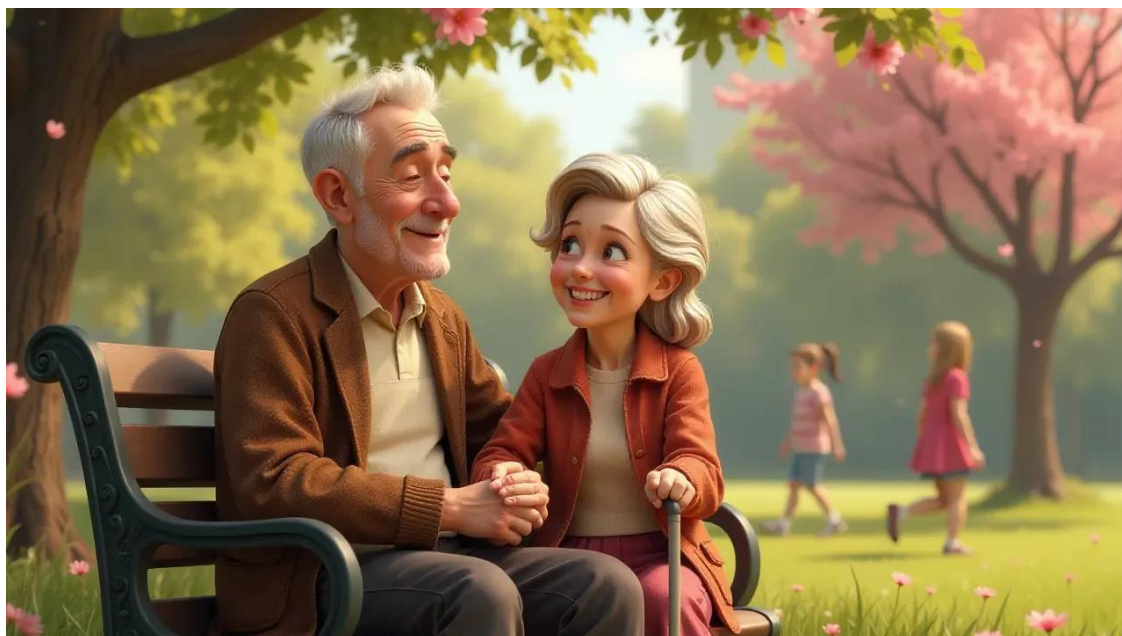
По дороге домой он думал о том, сколько судеб пересекается с нашей каждый день. Сколько историй проходит мимо нас незамеченными. Сколько людей мы оцениваем поверхностно, не видя глубины их жизни.

«Каждый человек – это целый мир», – подумал он. «И никто не имеет права судить этот мир, не побывав в нём. А побывать в чужой жизни по-настоящему невозможно. Поэтому остаётся одно – принимать людей такими, какие они есть, и помнить: чужая душа – потёмки, чужая жизнь – за семью печатями».

Он вспомнил слова из письма, которое написал телеведущему: «Спасибо за то, что, сами того не зная, изменили жизнь одного пожилого человека и заставили его увидеть мир другими глазами».

Эти слова были правдой. Он действительно стал видеть мир по-другому – без осуждения, с большим пониманием и сочувствием к людям. И это делало его самого счастливее.

«Простая истина, – подумал Виктор Андреевич, поднимаясь по лестнице к своей квартире, где ждала Татьяна, – а понадобилась целая жизнь, чтобы её осознать. Не суди, не осуждай, начинай с себя».

Бриллианты в кругу мелочей

Вдохновитель эссе Анастасия Меркулова

Надежному тылу 76 посвящается

В моей жизни всегда было много людей. Знакомых, приятелей, тех, кого я без колебаний называла друзьями. Мы вместе смеялись на праздниках, делились новостями, строили планы. Казалось, этот круг надёжен и неизменен. Но потом пришло новое время – время, которое, подобно лакмусовой бумажке, начало проявлять истинные цвета человеческих душ.

С началом СВО привычный мир будто треснул. И в этой трещине я увидела то, чего не замечала раньше. Многие из моего окружения продолжали жить так, словно ничего не происходит. Их волновали скидки в магазинах, новые сериалы и планы на отпуск. А события, разворачивающиеся всего в паре тысяч километров, казались им далёким, скучным фоном, не заслуживающим внимания. Наши разговоры становились натянутыми, общие темы исчезали. Постепенно эти люди просто растворились в тумане своего безразличия, и я поняла, что теряю их. Но была ли это потеря?

Были и другие, «тихие сапы». Они кивали в знак поддержки, говорили правильные слова, но стоило отвернуться, как за спиной начинался ядовитый шёпот. Вполголоса они ругали правительство, сомневались, сеяли смуту. Они думали, что их никто не слышит, но этот шёпот был громче любого крика. Он выдавал их страх, их желание усидеть на двух стульях, их внутреннюю гниль. Смотреть в их глаза становилось всё труднее.

А некоторые и не скрывались. Они открыто заявляли о своей позиции, слушали песни иноагентов, а на День Победы, великий и святой для моей семьи праздник, демонстративно уезжали на шашлыки. Они называли себя «людьми мира», но на деле были лишь патриотами собственной выгоды и комфорта. С ними пути разошлись резко и окончательно.

Поначалу было горько. Казалось, что вокруг меня – выжженное поле. Но именно на этом поле, среди пепла старых связей, начали сверкать настоящие бриллианты. Я стала замечать других людей. Тех, кто не говорил громких слов, но чьи дела говорили за них.

Зайдите в ближайший местный дом культуры и вы увидите их.

Женщины, молодые и в возрасте, в свой выходной день, склонившись над рамами, плетут маскировочные сети. Их руки двигаются быстро и слаженно, а в глазах горит тихий, но твёрдый огонь. Они не ждут похвалы или признания. Они просто делают то, что должны. В этом молчаливом труде гораздо больше патриотизма и правды, чем во всех громких лозунгах.

Я многих из них знаю лично. Скромные, светлые, надёжные. Люди, которые собирают гуманитарную помощь, пишут письма на фронт, молятся за наших ребят. Они стали моим новым кругом. С ними не нужно было притворяться или подбирать слова. Мы понимаем друг друга с полувзгляда. С такими людьми, я точно знаю, не страшно пойти в разведку, потому что они – настоящие. Они не подведут.

Они словно жены мироносицы, помогают и несут свой Крест.

Мои дорогие и любимые «белые платочки», ...храни вас Бог, мои родные...

И знаете, что, я поняла одну важную вещь: время не отнимает друзей. Оно лишь отсеивает всё фальшивое и наносное, оставляя рядом только подлинное золото. И пусть мой круг общения стал меньше, он стал неизмеримо дороже. Ведь это время не потеря, а время обретения настоящих бриллиантов.

Игуменья одного голоса

*Основано на реальных событиях
по воспоминаниям архим. Тихона (Агрикова)*

В тихой женской обители, укрытой от мирской суеты, наступили дни скорби и растерянности. Старая игуменья отошла к Господу, оставив после себя не только светлую память, но и тяжёлый вопрос: кто поведёт сестёр дальше? По уставу, новую настоятельницу сёстры должны были избрать сами.

После долгих молитв и тихих советов были названы имена трёх монахинь, чья жизнь и вера казались сёстрам образцом. В трапезной, при свете лампад, начался подсчёт голосов – маленьких бумажных талончиков, опущенных в урну при тайном голосовании. Воздух был густым от напряжения и ожидания.

В это время в коридор неслышно вышел старенький архимандрит, чья мудрость была известна далеко за стенами монастыря. Подозвав к себе одну из сестёр, он отвёл её в тихий уголок и, заглянув в глаза, прошептал:

- Никому не скажешь, чего открою тебе?
- Никому, отче, – так же шёпотом ответила сестра.
- Слушай, – его голос был едва слышен, – игуменьею станет та, что будет иметь один голос.

Сестра изумлённо вскинула брови: «Как же так, отче?»

– Вот увидишь, – улыбнулся старец и тихо удалился в свою келью.

И предсказание сбылось с поразительной точностью. Когда подсчёт был окончен, оказалось, что две сестры набрали по пятьдесят голосов – ровно поровну. А за третью, сестру Павлину, был подан лишь один-единственный голос. Сёстры оказались в тупике. Не зная, как разрешить эту ситуацию, они решили довериться Божьему промыслу. Написав три имени на клочках бумаги, они положили их в глубокий клубок (головной убор такой) и попросили маленькую девочку, жившую при монастыре, вытянуть жребий.

Детская ручка без колебаний опустилась в шапку и вытащила одну бумажку. На ней было начертано имя сестры, за которую проголосовал лишь один человек. Так Господь указал на ту, чьё сердце Он видел лучше других. Ибо люди смотрят на лицо, а Бог зрит в сердце.

Игуменья Павлина, избранная одним голосом, стала для обители заботливой, мудрой и надежной опорой. Её истинное величие духа проявилось в самые тяжелые для нашей страны времена, в годы Великой Отечественной войны.

Однажды, суровой зимой до монастыря дошла страшная весть. В тридцати километрах, на глухом полуостанке, в замерзшем эшелоне умирали дети. Сотни малышей, силой отнятых у матерей, которых гитлеровцы хотели угнать в Германию, чтобы использовать их кровь для лечения немецких солдат и проводить другие бесчеловечные эксперименты над детьми. Но фронт двинулся на Запад, и немцы в спешке бросили свой живой груз на произвол судьбы.

Не раздумывая ни минуты, матушка Павлина собрала сестёр. Взяв скудные запасы провизии, они пешком отправились в смертельно опасный путь. В любой момент могли появиться фашисты, обозленные и жестокие, но страх отступил перед искренним состраданием. Когда они добрались до эшелона, их сердца сжались от ужаса. Из вагонов доносился отчаянный плач. Дети постарше, в рваной одежде, замерзали прямо на снегу, обессилив от голода. А самые маленькие тихо угасали на гнилой соломе в ледяных вагонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.